

**КОСМАРСКИЙ
АРТЁМ АНАТОЛЬЕВИЧ**

старший научный сотрудник Центра прикладных и полевых исследований Института исследований культуры НИУ ВШЭ; зам. руководителя Лаборатории исследований блокчейна в образовании и науке Государственного академического университета гуманитарных наук

КИТАЙСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ РЕЙТИНГ: ТЕХНОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ ДЛЯ НОВОГО ОБЩЕСТВА МОДЕРНА

В Китайской народной республике (КНР) с 2014 года постепенно внедряется система социального рейтинга (社會信用體系, *шэсюй синьюн тиси*), позволяющая оценивать индивидов и организации по различным параметрам, на основе сбора и анализа больших данных. В мире эта система вызывает большой интерес и резонанс, и резонно рассматривается как одна из самых перспективных социальных технологий будущего — не только китайского. В этой статье я попытаюсь отойти от антиутопических и алармистских упрощений в трактовке системы социального рейтинга (ССР) и постараюсь описать его сложность, некоторые принципы работы, проблемы и, главное, поместить в контекст макроистории модерна.

Из открытых источников

Важно подчеркнуть, что китайский социальный рейтинг воспринимается за пределами страны как нечто тотальное, даже тоталитарное — как монолитная система государственного надзора и контроля. Подобного рода образы доминируют не только в фильмах, музыкальных клипах (например, клип Red River группы [SALEM](#)) или популярных СМИ (отсылки к «Большому брату» и «Черному зеркалу» — обычное дело), но и в выступлениях высокопоставленных государственных деятелей. Так, в 2018 году вице-президент США Майк Пенс прямо назвал ССР «оруэлловской системой, предполагающей контроль буквально всех сфер жизни человека»¹. Однако скорее здесь мы имеем дело не с пониманием новой реальности, а с ориенталистским фантазмом, то есть проекцией Западом на (опасного) Другого собственных страхов. Множество научных исследований аккуратно разоблачают мифы об ССР, особенно о его тотальном характере².

Китайский социальный рейтинг — это прежде всего незавершенный проект, множество разнообразных программ, действующих в разном темпе в разных городах и провинциях, в разных сферах экономики, общества и права. По факту реализация ССР все еще гораздо более фрагментарна и мягка, чем ее замысел. Более того, сами власти приняли точку зрения наблюдателей за экспериментами — посмотрим, что из этого получится, какая модель окажется удачнее³.

Однако финальная цель всего проекта была прописана вполне однозначно — **создание общества доверия**. По словам одного исследователя, «проект ССР лучше всего обозначить как ассамбляж — ансамбль дискурсов, регуляторных норм, стратегий развития, действующих на национальном и локальном уровне программ, целью которых является управление социальной и экономической жизнью через проблематизацию, оценку и использование добросовестности (*trustworthiness*, *синьюн*) граждан, фирм и государственных организаций. Конечная цель этого проекта — решение постоянно растущего списка актуальных для государства проблем, таких как мошенничество со стороны бизнесменов, коррупция, выполнение корпорациями законодательных требований (комплаенса), безопасность пищевых продуктов, соблюдение норм профессиональной этики и в целом то, что считается „цивилизованным поведением“»⁴.

И в этом множестве проектов столь пугающие наблюдателей с Запада системы рейтингования индивидов (физических лиц) редки, экспериментальны и, главное,

¹ Wen W. (2019) China's "Social Credit" System: An Orwellian Society in The Future? URL: <https://theowp.org/chinas-social-credit-system-an-orwellian-society-in-the-future/>.

² См., например: Daum J. (2017) China Through a Glass, Darkly: What Foreign Media Misses in China's Social Credit. *China Law Translate*. December 24. URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/china-social-credit-score/>.

³ Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 14. <https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738>.

⁴ Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 3. <https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194>.

добровольны. Кроме того, в них чаще используются поощрения, чем штрафы. В 2019 году Государственный комитет по делам развития и реформ КНР (китайский Госплан) специально обозначил, что личный социальный рейтинг должен быть основой только бонусов, а не наказаний, и его индикаторы не должны ограничивать права граждан и их возможности пользоваться государственными услугами⁵. Адекватнее всего личные рейтинги можно сравнить с программами лояльности, только реализуемыми не частными фирмами, а государственными и муниципальными структурами (и доступ к ним можно получить, скачав соответствующее приложение). В городе Сямынь (Амой) рейтингуется около 5 % населения города, в Вэйхае — всего несколько тысяч человек⁶.

Напротив, самый разработанный и широко применяющийся механизм ССР — черные и красные списки компаний (насколько они соблюдают налоговое, трудовое и другие законодательства). За попадание в черный список следуют санкции: ограничения на получение лицензий и разрешений, доступа к государственным закупкам, к инфраструктурным проектам государства, к выходу на IPO/ICO. Кроме того, немаловажный компонент рейтинга государственных и частных организаций — активное применение независимого (со стороны третьих лиц) аудита качества их работы. Вот характерный пример⁷: в крупных городах уровень загрязнения окружающей среды очень высокий, управу на частные заводы и фабрики найти сложно, и тогда на помощь приходят независимые датчики выбросов и мониторинг состояния среды в реальном времени. Информация с датчиков собирается, после чего автоматически снижается социальный рейтинг виновных предприятий.

Исторически проект ССР родился именно в связи с развитием рыночных реформ в Китае, с отходом от плановой экономики XX века. Возникла необходимость снижать риски, повышать уровень доверия, обеспечивать соблюдение регуляторных норм множеством независимых организаций. Рыночная экономика, полагают китайцы, — это экономика, основанная на доверии/репутации. Особенно важным стимулом для внедрения ССР стали массовое производство контрафактных товаров, коммерческие махинации, некачественные продукты. Как пишет Чжай Сюэвэй, если традиционное общество опиралось на локальные связи и сети репутации, маоистская плановая экономика — на учет и контроль в трудовых коллективах, то современная рыночная

⁵ Beijing News (2019) “发改委：个人信用分禁用于惩戒不得限制低分者法定权利” [NDRC: Personal Credit Scores Cannot be Used for Sanctions or Limiting Statutory Rights of Individuals]. July 18. URL: <http://www.bjnews.com.cn/news/2019/07/18/605095.html>.

⁶ Lewis D. (2019) All Carrots and No Sticks: A Case Study on Social Credit Scores in Xiamen and Fuzhou. *Digital Asia Hub*. October 11. URL: <https://www.digitaliasiahub.org/2019/10/11/all-carrots-and-no-sticks-a-case-study-on-social-credit-scores-in-xiamen-andfuzhou/>; Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China’s Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 16. <https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194>.

⁷ Aho B., Duffield R. (2020) Beyond Surveillance Capitalism: Privacy, Regulation and Big Data in Europe and China. *Economy and Society*. Vol. 49. No. 2. P. 11. <https://www.doi.org/10.1080/03085147.2019.1690275>.

экономика — на личный интерес индивидов⁸. Именно поэтому назрела необходимость в **объективной системе репутации** (на основе IT), чтобы все понимали, кто их контрагент, будь это учреждение или физическое лицо.

Второй важный драйвер ССР — повышение эффективности государственного управления. И применение рейтингов в этом ключе завязано на так называемую идеологию датаизма⁹: чем больше цифр, чем больше накопленных данных, тем проще будет принимать более правильные решения. Цитаты из интервью исследователя Чэньчэнь Чжан подтверждают святую веру чиновников в объективность цифры¹⁰. Фактически речь идет о множестве процедур трансляции (в терминах Б. Латура и М. Каллона¹¹) и квантификации, когда разрозненные данные о сдаче крови, экзаменов, нарушений ПДД, волонтерства собираются в единый рейтинг, который потом транслируется на уровень страны. Единицами управления становятся юниты данных, отделенные от сложной сети социальных связей и локальных отношений власти. И здесь, парадоксально, ССР оказывается не технологией XXI века, а реинкарнацией советского идеализма Госплана 1960-х годов, эры первых ЭВМ: как пишет исследователь из Китая, количественные данные отражают истинное положение дел в обществе, и научная их обработка и использование не просто оптимизируют управление обществом и экономикой, но и позволяют решить социальные проблемы технологическими инструментами¹².

Иными словами, в ССР соединяется несколько больших «поток» исходно западного проекта модерны — процесса цивилизации¹³, «правильного» гражданства, соблюдения контрактных обязательств, прозрачности и цифровых данных как ключа к улучшению общества¹⁴. Конечно, эта многослойность и разнообразие проектов «внутри» системы социального рейтинга не могут не приводить к противоречивости: если говорить в терминах Мишеля Фуко, в ССР сочетаются правительственность/биовласть (прозрачность, квантификация, снижение издержек, повышение комплаенса) и дисциплинарно-пасторальная власть (изменение поведения индивидов к лучшему, моральное благосостояние региона и города —

⁸ Zhai Xu. (2019) 从社会流动看中国信任结构的变迁 [Эволюция структур доверия в Китае в перспективе социальной мобильности]. *Exploration and Free Views*. No. 6. P. 20—23.

⁹ Van Dijck J. (2014) Datafication, Dataism, and Dataveillance: Big Data Between Scientific Paradigm and Ideology. *Surveillance & Society*. Vol. 12. No. 2. P. 197—208; Lohr S. (2015) *Data-ism: The Revolution Transforming Decision Making, Consumer Behavior, and Almost Everything Else*. New York, NY: Harper Business.

¹⁰ Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. <https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194>.

¹¹ Callon M., Latour B. (1981) Unscrewing the Big Leviathan: How Actors Macro-structure Reality and How Sociologists Help Them To Do So. In: Knorr-Cetina K., Cicourel A. V. (eds.) *Advances in Social Theory and Methodology: Towards an Integration of Micro- and Macro-Sociologies*. Boston: Routledge & Kegan Paul. P. 277—303.

¹² Chenchen Zh. (2020) Governing (Through) Trustworthiness: Technologies of Power and Subjectification in China's Social Credit System. *Critical Asian Studies*. P. 13. <https://www.doi.org/10.1080/14672715.2020.1822194>.

¹³ Элиас Н. О процессе цивилизации: Социогенетические и психогенетические исследования. М.: СПб., 2001.

¹⁴ Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2005.

последнее было характерно и для античной Европы, и для дореволюционного Китая). В социальном рейтинге «прорастают» и традиционные китайские ценности: так, в 2016 году власти Шанхая предложили внести в список индикаторов социального рейтинга сыновнюю почтительность (сяо, одно из ключевых понятий конфуцианской этики) — измерять сяо предполагалось, например, по тому, как часто индивид навещает родителей и насколько хорошо те питаются¹⁵.

Конечно, у китайской системы социального рейтинга есть свои — традиционные, национальные — корни. Но не в меньшей, а то и в большей степени она представляет собой одно из проявлений глобального перехода от экспертных, моноцентричных, персоналистских моделей управления¹⁶ к алгоритмическому, или информационному управлению, где большие данные и алгоритмы определяют и классификацию субъектов общественной жизни¹⁷.

Из открытых источников

Также нельзя не заметить структурного сходства и даже общих истоков — у китайской ССР, с одной стороны, и систем кредитного скоринга, возникших в США в XIX—XX веках, а также многочисленных потребительских рейтингов в платформенных приложениях по типу Airbnb и Яндекс.Такси — с другой¹⁸. Более того, некоторые исследователи утверждают¹⁹, что китайская система, с ее государственным контролем лучше, так как избавлена от недостатков «субъективных» рейтингов, где капризные, разгневанные или даже фейковые пользователи способны уничтожить репутацию фирмы.

Однако все вышесказанное не означает, что китайский социальный рейтинг — идеальная система, лишенная проблем и на ура принимающаяся населением. Многие черты его концепции и реализации вызывают у людей страх и критику. Прежде всего, опасения порождает желание государства в будущем выстроить

¹⁵ Chen Y., Cheung, A. (2017) The Transparent Self Under Big Data Profiling: Privacy and Chinese Legislation on the Social Credit System. *The Journal of Comparative Law*. Vol. 12. No. 2. P. 356—378.

¹⁶ Mitchell T. (2002) *Rule of Experts*. Egypt, Techno-Politics, Modernity. University of California Press.

¹⁷ Cheney-Lippold J. (2017) *We Are Data: Algorithms and the Making of Our Digital Selves*. New York, NY: NYU Press.

¹⁸ Citron D., Pasquale F. (2014) The Scored Society: Due Process for Automated Predictions. *Washington Law Review*. Vol. 89. No. 1. P. 1—33; Срничек Н. Капитализм платформ (2019). М.: Издательский дом Высшей школы экономики.

¹⁹ Mac Sithigh D., Siems M. (2019) The Chinese Social Credit System: A Model for Other Countries? EUI Department of Law Research Paper 2019/01. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/60424/LAW_2019_01.pdf?sequence=1&isAllowed=y.

кросс-платформенное и межинституциональное взаимодействие и установить единую систему рейтингования и обмена данными — вместо нынешних многочисленных экспериментальных проектов²⁰. Уже работающий в этом направлении кейс — сотрудничество кредитного скоринга (Sesame Credit, разработанного Ant Group) и судебной системы Китая. Причина — низкая эффективность судебных решений (выполняются только 20% постановлений о штрафах). Sesame Credit снижает кредитный рейтинг тех, кто не платит штрафы; а уже в рамках социального рейтинга «уклонистам» не дают покупать дорогие билеты, а их детям — учиться в частных школах²¹. Платежная система Alipay (часть экосистемы Alibaba) взяла на себя ту же задачу интегрировать данные кредитного рейтинга с информацией из МВД, налоговой службы и службы судебных приставов — единый рейтинг не только влияет на количество скидок и выгодных предложений, но и транслируется на другие платформы (по покупке билетов, съему квартир и отелей). Таким образом, частные, но практически монопольные цифровые системы в Китае также действуют в логике единого социального рейтинга²². Важно, что подобная кросс-платформенность рейтинга рискует нарушать юридически важный принцип соразмерности проступка и наказания: например, человек не заплатил алименты — а его лишают права снимать жилье, или не заплатил штраф за превышение скорости — ГАИ отказывает в проведении техосмотра²³.

Помимо такой унификации, немало опасений вызывает именно публичный шейминг: имена, фотографии, личные данные, сумма долга должников в провинции Анхой, например, публиковались на гостелевидении и билбордах²⁴ — структурно это напоминает российские списки должников за коммуналку, которые вывешивают у подъездов. Какие проблемы здесь возникают? Прежде всего, не достигается конечная цель — перевоспитание и исправление должника. Начинает действовать хорошо известный в социологии закон Матфея: чем больше шеймят и придают огласке данные должника, тем больше на него ложится стигма, тем меньше шансов, что он найдет новую работу или иные ресурсы и сможет выплатить долг. Начинает действовать социальная сегрегация. Ограничения на поездки, аренда жилья, устройство детей в школы отрубает социальные связи должни-

²⁰ Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 3. <https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738>.

²¹ Yang Yi (2019) China Focus: Chinese Courts Use Technology to Tighten Noose on Debt Defaulters. *Xinhuanet*, http://www.xinhuanet.com/english/2017-10/03/c_136657135.htm.

²² Gladys Pak Lei Chong (2019) Cashless China: Securitization of Everyday Life Through Alipay's Social Credit System — Sesame Credit. *Chinese Journal of Communication*. Vol. 12. No. 3. P. 290—307. <https://www.doi.org/10.1080/17544750.2019.1583261>.

²³ Xiaodong D., Dale Yu. Zh. (2020) Rethinking China's Social Credit System: A Long Road to Establishing Trust in Chinese Society. *Journal of Contemporary China*. P. 10. <https://www.doi.org/10.1080/10670564.2020.1852738>

²⁴ Keegan E. (2018) Chinese Debtors Shamed with Broadcast of Names and Faces on Giant Screens on May 1 Holiday. *South China Morning Post*. URL: <https://www.scmp.com/news/china/society/article/2144690/chinese-debtors-shamed-broadcast-names-and-faces-giant-screens>.

ка — его друзья, знакомые, коллеги начинают опасаться общаться с ним, и в итоге «плохие» не перевоспитываются, а просто отделяются от «хороших» в гетто.

И последнее: опасения вызывает возможная связь новых цифровых рейтингов со старой, еще времен Мао Цзэдуна, системой *даньгань* — закрытого досье на каждого китайского горожанина, которое заводится после окончания школы, куда включены не только стандартные биографические данные (рост, вес, фотография, список работ), но и отзывы начальства и учителей, а также информация о судимости и административных правонарушениях. (Доступ к досье по умолчанию имеют работодатели и сотрудники спецслужб, а сами граждане — только по особому их запросу.)

Конечно, проблемы китайского социального рейтинга представляют для России не только абстрактный теоретический интерес. В рамках этого текста я попытался показать, что ССР — не экзотическое явление чужого для нас общества, а вполне закономерное развитие общества модерна, информатизации, биовласти и подобных больших процессов. И даже больше: среди очевидных аналогов механизмов ССР в России — такие разнородные, но уже вполне укоренившиеся в отечественном ландшафте вещи, как списки неплательщиков коммуналки в подъездах, реестр недобросовестных поставщиков в ЕИС «Госзакупки» и «Диссернет» (да, несмотря на свою политизированность, «Диссернет» отвечает двум задачам ССР — независимому аудиту и борьбе с нарушениями академической этики). Система социального рейтинга — это ведь история не про тотальный цифровой надзор государства над гражданами, а про общество доверия и прозрачности, где государство лишь дирижирует многочисленными инструментами открытости граждан и организаций друг перед другом. Готово ли к этому российское государство — это вопрос, но в нем есть как минимум несколько сил, заинтересованных в таком развитии. Готовы ли к этому жители страны — вопрос еще более острый, и ответ у меня пока скорее «нет» — принимая во внимание «культуру потаенности», кардинального различия между «в реальности» и «на самом деле», в котором мы живем.

Из открытых источников